

Социально-экономическая география

УДК 911

DOI: <https://doi.org/10.26456/2226-7719-2024-3-5-15>

АРТЕФАКТЫ ИНДУСТРИАЛЬНОЙ ФАЗЫ РАЗВИТИЯ: ЦЕНТР-ПЕРИФЕРИЙНЫЕ РАЗЛИЧИЯ

Ю.В. Преображенский

ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского», г. Саратов

Для анализа хроноструктуры пространства предлагается использовать понятие артефактов как объектов, имеющих материальное воплощение и носящих коммуникативную функцию. Трансформация хроноструктуры имеет своё пространственное воплощение в виде скоплений артефактов, которые проходят, показанные в работе, фазы жизненного цикла. Особое внимание уделено артефактам индустриальной фазы развития имперского и советского периодов. На современном этапе происходит активное использование артефактов в экономике, которое существенным образом отличается для артефактов в центре (в культурном ландшафте) и на периферии (в нарушенном ландшафте). Проведенное исследование позволило прояснить последствия смены хронотопов для ландшафтов, выявило сложный характер хроноструктурных сдвигов, отражающихся в пространстве.

Ключевые слова: артефакт, хроноструктура, индустриальное наследие, культурный ландшафт, центр-периферия.

Введение

Техногенная система до известной степени представляет собой «корабль Тесея», где старые (изначально заложенные) части и элементы соседствуют с новыми, вставленными взамен износившихся/разрушенных. Для региона, в котором такая система складывалась не одно столетие, заметны и требуют своего осмысления артефакты индустриальной фазы развития. Напластование артефактов, созданных в различные фазы (от индустрии 1.0 до индустрии 4.0), формирует сложную стратиграфию. Число слоёв и их насыщенность, очевидно, будет отличаться для разных территорий, будет различен и качественный состав в зависимости от влияния характерных технологий.

Изучение артефактов – междисциплинарная тема исследований, имеющая отношение в основном, конечно, к исторической науке (как материальное свидетельство) и культурологии (как объект, имеющий семиотическое наполнение).

© Преображенский Ю.В.,
2024

Цель же данной статьи – выявить основные этапы формирования и последующей трансформации артефакта преимущественно индустриального характера, предложить подходы к их описанию и систематизации данного процесса.

Артефакты в культурном ландшафте. Большинство исследований социально-экономической направленности описывают текущий срез, настоящее состояние пространственной общественно-природной системы и устремлены в будущее, навстречу следующему циклу трансформации системы, тогда как накопленное за прошедшие десятилетия вещественное и невещественное наследие принимается во внимание только отчасти, часто в качестве туристских объектов (или исследуется специалистами совсем других направлений). В то же время применение генетического подхода к анализу развития пространственной общественно-природной системы позволяет выделить сложное наложение (стратиграфию) артефактов предшествующих циклов (или фаз) развития общества, территориальную неравномерность их представленности.

Под артефактами в данном случае мы понимаем вещественные и невещественные объекты и практики, которые указывают на их формирование в качественно иных (по сравнению с современными) условиях социально-экономического, технологического и культурного характера. Артефакт можно понимать в узком, археологическом смысле, как находку в культурном слое. В более широкой рамке мы называем объект артефактом, когда он имеет в той или иной степени считываемую коммуникативную функцию и позволяет описать среду своего формирования и связь с другими артефактами времени своего создания. В то же время в семиотическом контексте артефакт есть нечто, нарушающее привычное описание материального мира, выпадающее из него и требующее дополнительной интерпретации в историко-культурном или технологическом аспектах.

Ещё более раздвигая границы дефиниции, А.Д. Шоркин относит к артефактам едва ли не все проявления антропогенной культуры, возникающие «...в ответ на вызовы внешней среды, фронтир культуры образован неорганическими, органическими и социальными артефактами» [18, с.328]. «Их продуцирование и применение регулируются дискурсивными практиками – знаниями, технологиями и нормами» [18, с.334].

Когда фронтир сдвигается в будущее, артефакт трансформируется, проходит несколько стадий:

- 1) понятный функционал, коммуникационная функция;
- 2) понятный функционал, размытая коммуникативная функция;
- 3) непонятный функционал, коммуникативная функция не выражена;

4) физическое разрушение.

В последнем случае речь идёт фактически о потере артефактом самого понятия, артефакт теряет своё семиотическое наполнение, «...оставляя свою прагматическую функциональность во взаимодействии с миром природы, а также ... существование вообще вне культуры, в мире натуры» [18, с. 324].

Процесс трансформации артефакта показан на схеме (рис.1).

Рис. 1. Этапы жизненного цикла артефакта (составлено автором)

Артефакты возможно описывать в контексте таких понятий, как хроноструктура и энтропия. Первая, согласно определению Э.Б.Алаева, представляет собой упорядоченное во времени множество различных состояний геопространства, где изменения являются функцией времени [1, с.103]. Энтропия же находится в обратной зависимости от упорядоченности, под которой понимается отношение необходимых связей к связям случайным. Отсюда можно вывести осторожное предположение, согласно которому геопространству в разные моменты времени свойственна та или иная степень упорядоченности. Заметим, что с позиции познания всё более далекому прошлому присуща всё меньшая степень упорядоченности, которая компенсируется преимущественно научными концепциями, моделями и описаниями, заполняющими всё увеличивающиеся лакуны между материальными артефактами и письменными источниками.

Вероятно, единицей проявления хроноструктуры можно считать хронотоп – понятие, пограничное по отношению к филологии, культурологии и общественной географии (см. [4, 11]) Вызревание нового хронотопа и его манифестация приводит к процессу артефакции, т.е. превращению соответствующих предыдущему хронотопу объектов в артефакты. Последние можно сравнить с основными фондами в экономике, претерпевшими столь значительный износ, что понимание

функции осталось, но всё производство идёт на новых фондах, при этом постепенно уходят специалисты, имеющие представление, как работать на устаревшем оборудовании.

Интересна довольно значительная (в этом вопросе, очевидно, сложно опираться на конкретные цифры) группа артефактов, которая когда-то существовала, но в настоящее время не просматривается вследствие физического разрушения или отсутствия доступа (например, лежит под землёй). При этом одни более старые артефакты не имеют свидетелей их присутствия (и/или какой-то письменной фиксации бытия), а другие имеют. Последние связаны или с артефактами имперского периода или советского времени (например, многоэтажная застройка 1980-х годов, уничтожившая оригинальные архитектурные локальные решения довоенного и послевоенного времени). В таком случае артефакты присутствуют только в картине мира отдельных людей, но не в натуре. Подобная типология, надо признать, не обладает какой-то практической ценностью, однако, важна для общего понимания вымывания культурной памяти, приводящей к тому, что отдельные компоненты культурного ландшафта уже не складываются в целостную систему (другие важные компоненты утеряны, понимание связей между ними нарушено) и ставят под вопрос системность самого культурного ландшафта, рождая разного рода когнитивные диссонансы.

Культурный ландшафт можно представить, как «сложную систему материальных и духовных ценностей, обладающих...характерными сочетаниями природных и культурных компонентов, находящимися в устойчивой взаимосвязи взаимообусловленности» [2, с.146]. Проследить преемственность культурных ландшафтов, соответствующих разным состояниям хроноструктуры, при недостатке артефактов оказывается затруднительно. Возникает задача синхронизации истории (прежде всего материальной), культурологии и географии. Это отмечают и сами культурологи. Так, например, А.Д. Шоркин в работе с поэтическим названием «Редущая целостность артефакта», пишет: «В числе заброшенных (культурологией) тем ожидаемо оказывается история технологий (кроме гуманитарных), тем более в её связи со смыслами, ценностями и нравственными установками» [18, с 327].

Центр-периферийный градиент в антропогенном ландшафте, по всей видимости, будет выражаться в сохранении (прежде всего музефикации) артефактов в Центре и маргинализации его на Периферии [13] (см. табл.).

Таблица

Различия в репрезентации артефакта в зонах Центра и Периферии

Параметр	Центр	Периферия
Окружение (среда нахождения)	Культурный ландшафт	Нарушенный ландшафт
Преобразование	Музеефикация с сохранением части функций для туристских целей	Рефункционализация вплоть до уничтожения
Функция	Преимущественно аттрактивная	Маргинализирующая

Интересно, что для Центра характерна искусственная концентрация артефактов, состоящая в том, что артефакты изымаются из своей среды и переносятся в специально созданные хранилища (музеи).

Н.Ф. Хилько и Ю.Р. Горелова, определяя пространственную структуру культурного ландшафта, отмечают, что последний «...представляет собой систему концентрических колец, в центре которой специфические характеристики системы проявлены в более концентрированной форме, а к периферии наблюдается размывание, то есть диссипация их специфики. При этом ядро ландшафта обеспечивает необходимое единство его структуры, а расходящиеся от него концентрические круги обеспечивают потенциал культурного разнообразия [17, с 111].

Когда мы задаемся вопросом о пространственной организации артефактов, то сталкиваемся с необходимостью систематизации артефактов по времени, происхождению, функциям, стратификации и представленности (плотности). Представляется, что для решения этой задачи подойдёт районирование по т.н. «плавающему признаку». В этом случае районирование осуществляется как бы снизу-вверх, и оказывается возможным выделить район как сумму локальных особенностей по тому или иному признаку, в наибольшей степени отличающему данный район от других. Конечно, данный метод не лишён существенных проблем наложения разных выделенных районов, их различной насыщенности и пр. Тем не менее, подобный подход представляется наиболее продуктивным на начальном этапе географической систематизации. Так, в Саратовской области представлены артефакты сельскохозяйственного, индустриального и селитебного природопользования на определённых этапах развития общества. Например, для аридного Левобережья выделяем наследие в виде чигирей (устройство для закачки воды) (см. рис. 2) и ирригационных систем, которое уже практически не фиксируется.

Рис. 1. Подъем воды для орошения полей с помощью примитивного подъемного сооружения (чигиря) в Новоузенском районе Саратовской области (фрагмент фото 1927 г.¹)

В городах и посёлках Правобережья области представлены артефакты индустриального наследия как имперского, так и советского периода. Отдельные этнокультурные артефакты, связанные с немцами Поволжья, сохранились по обоим берегам Волги. Это и нематериальные объекты (например, ойконимы), и вполне материальные, хотя и пребывающие на той или иной стадии разрушения костёлы и кирхи.

Наиболее знакомы обывателю архитектурные артефакты, многие из которых создавались изначально как промышленные объекты. Данные артефакты имеют отношение к сооружениям прошлых десятилетий и веков. Их можно разделить на две группы: типичных и нетипичных. К первым можно отнести «...городища, кремли, крепости, детинцы, поселения, поселки, посады, селитьбы, площади, монастыри, кладбища, храмы, церкви, мечети, слободы, слободки, жилые и общественные комплексы, дома, постройки, здания, сооружения, дворянские «гнезда», деревни, языческие мольбища» [8, с.78]. Нетипичные артефакты с трудом поддаются датировке. Также архитектурные артефакты можно

¹Новоузенский район. Чигирь.

URL: <https://oldsaratov.ru/photo/gubernia/13159#gsc.tab=0>.

систематизировать по их масштабу: от обвалившейся стенки до целых архитектурных ансамблей и центров городов.

Для архитектурных артефактов наиболее характерна своеобразная стратиграфия. Так, «...среди примеров сохранения и экспонирования исторических структур артефактов наиболее часто встречается акцент на «двухслойность», несколько реже на «трех-, четырехслойность», наконец, достаточно редко можно встретить артефакты, сложная структура которых превышает четыре слоя и сохраняется практически полностью» [9, с.110].

Наиболее простой пример такой «двуслойности», который можно встретить в городе: деревянная надстройка (второй этаж) над каменным (или кирпичным) первым. Такие объекты встречаются достаточно широко и не вызывают вопросов, при том, что очевидно, что такая двухсоставная постройка едва ли может отвечать первоначальному плану строительства.

Множество архитектурных артефактов соответствует определенному хронотопу города, рассматриваемому комплексно – вместе с присущими этому периоду архитектурному стилю, использованными материалами для строительства, например, канализации, а также повседневной жизнью горожан (разного рода практиками). Отметим, что, когда артефактов не хватает (как вещественных, так и невещественных), полноценный, законченный хронотоп описать не удаётся.

Эксплуатация артефактов. В литературе наиболее широко рассмотрена трансформация материального культурного наследия (в том числе индустриального). Запарий В.В. характеризует последнее как «...совокупность строений и артефактов, произведённых обществом с использованием труда» [7, с.34]. Дрожжин Р.А. выделяет ряд направлений преобразования промышленных территорий: от сохранения промышленной функции до полной рефункционализации [5]. Причем в случае частичной рефункционализации (промежуточного решения) объект сохраняется как артефакт, проявляющий свою коммуникативную функцию при превращении промышленного объекта в музей. В случае же полной рефункционализации (перепрофилирования или полного сноса промышленного объекта) нельзя говорить о культурном наследии и, следовательно, артефакты теряют свою семиотическую функцию, становясь, например, кирпичами, балками и металлическими изделиями неустановленного происхождения и возраста.

В ряде случаев сохраняется функция таких постартефактов как ресурса, который эксплуатируется, например, как источник металла (лом) (см., например,¹).

Как отмечают исследователи, «...чаще всего, как в России, так и за рубежом, реставрации и сохранению подвергаются объекты, созданные до второй половины XIX в. Для объектов, созданных позднее, может применяться широкий набор методов, позволяющих адаптировать здания под новое назначение и интегрировать их в городскую среду» [14, с.68]. Веденин Ю.А., настаивая на сохранении исторической репрезентативности городского ландшафта, полагает, что «... следует сохранять и более поздние сооружения, в том числе и построенные относительно недавно, не обладающие ещё статусом объекта культурного наследия, но являющимися характерным свидетельством предшествующих этапов формирования города. К сожалению, это требование очень часто игнорируется» [3, с. 27].

В современную эпоху всё большее значение приобретает тотальная капитализация пространства. Отсюда делаются предложения выделять в отдельную категорию территориальный капитал. Последний «...включает и материальные, и нематериальные ресурсы, причем именно нематериальным ресурсам отводится здесь ключевая роль» [12, с.101]. Чем больше уникальность территории, тем выше её территориальный капитал. Дискуссия о ценности сочетания типичного (унифицированного) и уникального на определённой территории так или иначе подразумевает субъекта, для которого производится оценка ценности. Не вдаваясь в её суть, предположим, что для территориального капитала ценность представляют не артефакты в целом, а только те, которые можно встроить в соответствующий (историческому периоду, последовательности технологий) историко-культурный дискурс. Подобные артефакты транслируют определённые географические (привязывающие, в том числе, к культурной системе координат) образы, которые на современном этапе подвержены активной капитализации (см., например, [6]).

В этом дискурсе, например, советское индустриальное наследие только сравнительно недавно стало приобретать некоторую культурную ценность. Развивается промышленный туризм [15, 16], идут процессы музеефикации индустриальных объектов [10].

Другой пример эксплуатации артефактов можно наблюдать в интернете, в частности в социальных сетях. Интересно отметить, что большая часть реального пространства с позиции виртуального

¹ Видео. Завод-гигант "АлтТрак" в Рубцовске разбирают на кирпичи и металлолом. URL: <https://altapress.ru/ekonomika/story/video-zavod-gigant-alttrak-v-rubtsovske-razbirayut-na-kirpichi-i-metallolom-136768>.

пространства (пространства 2.0) наполнена артефактами и в целом представляет собой таковой. Упомянутый территориальный капитал пространство приобретает, будучи пропущенным через виртуальные каналы, где артефакты являются своеобразным источником ренты для многочисленных продуцентов информации. В этом отношении территориальный капитал нарабатывается в формате экономики впечатлений. Последняя, однако, в значительной степени подвержена трендам, медийной моде, поэтому обращается не к артефактам вообще, а к артефактам, позволяющего создать монетизируемый контент.

Однако в независимости от сторонних суждений, артефакты существуют, проявляют себя и предполагают со стороны изучающего определённую интерпретацию и (в некоторых случаях) кодификацию.

Выводы

Заявленная нами достаточная широкая рамка в виде анализа артефактов в целом, позволила комплексно рассмотреть проблему их присутствия и описания в современном мире. Предложенный подход даёт возможность подойти к систематизации артефактов по их жизненным фазам, а также демонстрирует территориальные различия их протекания. Последнее имеет существенные различия для зон Центра и Периферии территориальной общественной системы. В центральной зоне артефакты эксплуатируются в качестве объектов культурного ландшафта (в том числе, являясь точками привязки виртуального пространства к реальному), на периферии же представляют собой компоненту нарушенного ландшафта, в редких случаях используются в качестве сырья для переработки.

Список литературы

1. Алаев Э.Б. Социально-экономическая география: Понятийно-терминологический словарь. / Э. Б. Алаев. М.: Мысль, 1983. 290 с.
2. Веденин Ю. А. Концепция культурного ландшафта и задача охраны культурного и природного наследия // Ориентиры культурной политики. Инфор. вып. Мин-ва культуры РФ. М., 1992. № 6. С.145–149.
3. Веденин Ю.А. Принципы и методы изучения, сохранения и развития исторического города в контексте культурно-ландшафтного подхода // Наследие и современность. 2022. Т. 5. № 1. С. 18–36. <https://doi.org/10.52883/2619-0214-2022-5-1-18-36>.
4. Голубинов Я.А. Инверсии индустриального города и его культурное наследие // Аспирантский вестник Поволжья. 2015. № 3–4. С. 53–61.
5. Дрожжин Р.А. Реновация промышленных территорий // Вестник СибГИУ. 2015. №1 (11). С. 84–86.
6. Замятин Д.Н. Постгеография: капитал(изм) географических образов // Социологические исследования. 2014. № 10 (366). С. 3–14.

7. Запарий В.В. «Индустриальное наследие» и его современное толкование // Академический вестник УралНИИпроект РААСН. 2009. № 1. С. 32–35.
8. Крашенинникова Е.С., Норенков С.В., Грауверг Т.А. Алгоритмы таксономизации артефактов архитектурного наследия в кодах пространства // Приволжский научный журнал. 2017. № 1 (41). С. 75–82.
9. Леонов И.В., Филиппова-Стоян Л.Е. Историко-культурные структуры артефактов: методы изучения, критерии идентификации и практики сохранения // Человек. Культура. Образование. 2018. № 2 (28). С. 103–117.
10. Лучников А.С. Туризм в горнозаводском Прикамье: роль в трансформации функций территории и проблемы развития // География и туризм. 2019. № 1. С. 84–91.
11. Макарецва Л.В., Преображенский Ю.В. Хронотоп города в туристическом пространстве страны (на примере г. Саратова) // География и туризм. 2019. № 1. С. 183–188.
12. Новаковская А., Вальчак Б. Индустриальное наследие как территориальный капитал: случай Лодзи // Городские исследования и практики. 2021. Т. 6. № 1. С. 100–108. DOI: <https://doi.org/10.17323/usp612021100-108>.
13. Преображенский Ю.В. Пространственная маргинализация: подходы и уровни исследования // Вестник ТвГУ. Сер. «География и геоэкология». 2020. Выпуск № 2 (30). С.5–12. <https://doi.org/10.26456/2226-7719-2020-2-5-12>.
14. Танкиева Т.А., Пономарева М.В. Индустриальное наследие старопромышленного региона: ресурсы, практика и перспективы использования // Сервис в России и за рубежом. 2019. Т. 13. Вып. 4. С. 65–79. <https://doi.org/10.24411/1995-042X-2019-10406>.
15. Терентьева О.В. «Центр – завод – глубинка» как основные туристические зоны в пределах крупных городов // География и туризм. 2021. № 2. С. 11–16.
16. Фаронова Ю.В. Промышленный туризм: российская география, возможности Республики Башкортостан // Доклады Башкирского университета. 2022. Т. 7. № 3. С. 143–150.
17. Хилько Н.Ф., Горелова Ю.Р. Системно-антропологический подход к исследованию культурного ландшафта города в постсоветский период // Научный альманах. 2024. № 2–4 (112). С. 108–114.
18. Шоркин А.Д. Редущая телесность артефакта // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2021. Т. 37. № 2. С. 322–337.

Об авторе:

ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ Юрий Владимирович – кандидат географических наук, доцент, доцент кафедры экономической и социальной географии. ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского» (410012, г. Саратов, Астраханская, 83); e-mail: topofag@yandex.ru, ORCID: 0000-0003-2774-0554, SPIN-код: 1437-7336.

ARTIFACTS OF THE INDUSTRIAL PHASE OF DEVELOPMENT: CENTER-PERIPHERAL DIFFERENCES

Yu.V. Preobrazhenskiy

Saratov State University, Saratov

To analyze the chronostructure of space, we propose using the concept of artifacts, which are objects with a material embodiment that carry a communicative function. The transformation of the chronostructure is embodied in clusters of artifacts that go through phases of the life cycle, as shown in the work. Special attention is given to artifacts from the industrial phases of Imperial and Soviet development. At present, there is active use of artifacts in the economy, with significant differences between those in the center (cultural landscape) and the periphery (disturbed landscape). The research has allowed us to clarify the consequences of changes in chronotopes for landscapes and revealed the complex nature of chronostructural shifts in space.

Keywords: *artifact, chronostructure, industrial heritage, cultural landscape, center-periphery.*

Рукопись поступила в редакцию 07.07.2024

Рукопись принята к печати 08.07.2024